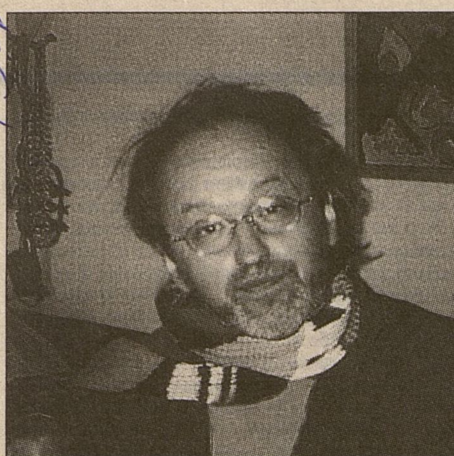
Экран и сцена.-2003.-янв.(№1)-с.16.



Евгений КЛЮЕВ

Вот как бывает...

Так уж случилось (и это хорошо!) и, похоже, становится традицией (и это тоже хорошо!), что Новый год «ЭС» теперь встречает с Евгением Клюевым, точнее, с его сказками. Они, вообще-то, – на все случаи жизни, а уж на новогодний случай – тем более.

Большая Метель

Когда началась Большая Метель, то она принялась все заметать. Сперва Большая Метель дороги замела – и все стали спрашивать друг у друга, куда им теперь идти, и отвечать друг другу, что Бог их знает, куда им теперь идти. Потом Большая Метель площади замела – и даже не только сами площади, но и названия площадей, чтобы все забыли, кто в данный момент на площади имени кого находится. И все сразу же забыли, кто в данный момент на площади имени кого находится, и спрашивали друг у друга: на площади имени кого мы в данный момент находимся, и отвечали друг другу: да Бог нас знает, на площади имени кого...

Еще Большая Метель все дома замела, все машины замела, все газеты и все журналы, и было непонятно, какой журнал или какую газету мы держим теперь в руках – и что где написано и кем. И все, все, все Большая Метель замела...

Когда она так вот все, все, все замела, то огляделась вокруг себя и сама себе сказала:

– Значит, так... что бы мне такое еще замести, чего я пока не замела и что, стало быть, надо немедленно замести?

Но ничего такого, что надо немедленно замести, на первый взгляд, не обнаружилось: все было заметено полностью. Зато на второй уже взгляд немедленно и обнаружилось: обнаружилось Совершенно Бесстрашное одно Письмо. Оно летело высоко над землей. Оно летело по назначению.

– Вот так так! – сама себе опять сказала Большая Метель. – Мне казалось, что я все уже замела, а тут какое-то Совершенно Бесстрашное Письмо летит, видите ли, по назначению!

И Большая Метель сказала Совершенно Бесстрашному Письму:

– Вы, что же, Совершенно Бесстрашное Письмо, с ума сошли – лететь по назначению, когда такое творится?

– А что, собственно, творится? – с поразительным спокойствием спросило Совершенно Бесстрашное Письмо, продолжая лететь по назначению.

– Ну, как же... – даже растерялась Большая Метель. – Оглядитесь вокруг: все ведь заметено – разве Вы не видите?

– Не вижу, – призналось Совершенно Бесстрашное Письмо и объяснилось. – Я не смотрю по сторонам: дело в том, что я лечу по назначению и не отвлекаюсь.

– Так Вы отвлекитесь! – как могла, горячо посоветовала Большая Метель. – И тогда Вы увидите, что я все вокруг замела: я дороги замела и площади, и все дома замела, и все машины, и все журналы с газетами, и все, все, все!

– Так не бывает, – даже не взглянув на Большую Метель, ответило Совершенно Бесстрашное Письмо. – Я могу, конечно, допустить, что Вы замели дороги и площади. и все дома замели, и все машины, и все журналы с газетами... Но это еще не "все, все, все"! "Все, все, все" даже самая большая метель замести не может. – И Совершенно Бесстрашное Письмо тут же извинилось за свою прямоту.

– Если Вы все-таки хотя бы на мгновение отвлечетесь от Вашего занятия лететь по назначению, – уже сердито возразила Большая Метель, – то Вы поверите мне. Я действительно все замела – и нет ничего на свете, чего бы я не замела.

Но Совершенно Бесстрашное Письмо сказало:

– Может быть, Вы и правы: если бы я отвлеклось от своего занятия лететь по назначению, я бы и поверило Вам. Но я не отвлекусь.

– Да что же это у Вас за назначение такое? – воскликнула с некоторой чуть ли не яростью Большая Метель.

– У меня высокое назначение, – коротко объяснилось Совершенно Бесстрашное Письмо, совершенно не прекращая лететь по этому высокому своему назначению.

На некоторое время Большая Метель даже оцепенела, чтобы понять высказывание про высокое назначение. Но ведь довольно трудно такое высказывание понять – и не каждому дано это понять... в общем, Большая Метель в конце концов отказалась от своего намерения и сказала:

– Хватит разговоров. Я начинаю заметать Вас, Совершенно Бесстрашное Письмо. Я все заметаю – и для Вас одного не буду делать исключения.

И стала заметать.

Но Совершенно Бесстрашное Письмо летело себе как летело и даже не заметила, что Большая Метель его заметает: у него не было времени смотреть по сторонам.

– Вы что же, не видите, Совершенно Бесстрашное Письмо, что я заметаю Вас! – надрывалась Большая Метель.

– Не вижу! – давясь снегом, откликалось Совершенно Бесстрашное Письмо. – Я же говорю: я лечу по назначению и не отвлекаюсь.

Большая Метель от возмущения даже глаза к небу завела. И увидела звезды – огромные ослепительные звезды. Они горели так, словно не было на свете никакой Большой Метели, которая вообще-то на свете была!

– Почему они горят? – закричала Большая Метель. – Я ведь замела все, все, все! И дороги, и площади, и машины, и журналы с газетами... – Она посмотрела Совершенно Бесстрашному Письму прямо в глаза и прошипела. – Вы еще скажите, что и у них, у этих эвезд, тоже высокое назначение!

– Я так и скажу: у них, у этих звезд, тоже высокое назначение, – так и сказало Совершенно Бесстрашное Письмо, а уж кто как не оно знало толк в подобных вещах!

Смешная Снежинка

Смешная Снежинка родилась на небе: все снежинки испокон веков рождаются на небе. Едва родившись, Смешная Снежинка начала падать: все снежинки испокон веков падают – и в этом их жизнь. А может быть, не только их жизнь, но и наша с Вами – как знать!

Смешная Снежинка падала и мечтала. Мечтала она вслух и приблизительно так:

– Вот сейчас я пролечу мимо этого облачка, потом – мимо того облачка, наконец, еще немножко пролечу – и тогда уже буду видна с земли. Ой, что там начнется! Все станут задирать головы к небу и смотреть на меня. Интересно, какая я?

И Смешная Снежинка скосила глаза, чтобы посмотреть на себя как бы со стороны.

– Красивая я, – решила она. – У меня шесть таких симпатичных лепесточков – и на каждом из них еще по шесть симпатичных лепесточков, так что я получаюсь словно звездочка! Даже, пожалуй, получше, чем звездочка. Нет, просто гораздо лучше, чем звездочка! Во-первых, у звездочки только пять лепестков, а во-вторых, на этих ее пяти лепестках никаких других лепестков уже нет. А на моих есть, причем шесть! Вот.

И Смешная Снежинка полетела быстрее, чтобы все скорее ее увидели: не пропадать же такой красоте! А на лету она все еще продолжала разглядывать себя и восхищаться. Просто ужас, что приключится внизу, когда ее наконец увидят... На всех дорогах, конечно, сразу начнутся аварии: никто ведь ни на что больше не станет смотреть – только на нее одну все и станут смотреть! И все поезда сойдут с рельсов, и все машины столкнутся, и все пешеходы споткнутся и свалятся в кучу, а она будет медленно-премедленно тогда уже падать и как бы не обращать ни на кого ни ма-лей-ше-го внимания.

Тут Смешная Снежинка прекратила на некоторое время мечтать, потому что справа от себя услышала маленькую чью-то песенку. Она взглянула туда, где была песенка, и ужаснулась: оказалось, что совсем близко от нее падала еще одна снежинка. И какая! Смешной Снежинке пришлось просто обомлеть: у соседки было тоже шесть лепестков и на каждом из них – еще по шесть, но не таких, как у самой Смешной Снежинки, а узорных! Однако самое страшное не это, а то, что на этих шести лепестках было еще по шесть – совсем крохотных!

"Таких у меня нет!" – с отчаянием подумала Смешная Снежинка и поспешно огляделась вокруг. Оказалось, что небо полным полно снежинок: кроме нее и соседки, падало на землю, медленно кружась, Многое Множество менее красивых, таких же красивых и еще более красивых!

"В такой толпе меня неровен час никто и не заметит, – сказала она себе, и жизнь показалась ей совсем грустной. – Надо падать быстрее, надо опередить всех, чтобы меня первой увидели и мною одной залюбовались".

Тут она собрала все свои силы и бросилась вниз – да так стремительно, что у самой дух захватило. По обеим сторонам от нее мелькали снежинки: одна с почтением уступала ей дорогу, другая бросалась в сторону, третья толкалась, четвертая нарочно закрывала путь. Смешная Снежинка не успевала уже сосчитать, сколько у кого лепестков, – и рассмотреть, какие это лепестки, тоже не успевала: она обгоняла всех, всех, всех. Вот позади уже облачко, вот и второе позади... ах, как много еще снежинок внизу – разве стольких сразу обгонишь?

А снежинки кружились в хороводах, переговаривались, пели – до чего же весело им было! Но Смешную Снежинку их веселье не веселило: она падала вниз с немыслимой скоростью. В конце концов ей действительно удалось обогнать всех и остаться одной.

Только теперь Смешная Снежинка перевела дух и полетела медленнее: нельзя было сваливаться на город, как сумасшедшей! Следовало все-таки сохранять какое-никакое достоинство – тем более, что внизу уже виднелись крыши домов.

Но вот беда: от такого стремительного полета она вся взмокла и почувствовала, что тает, становясь все меньше, меньше, меньше...

"Что же это я наделала с собой!" – хотела было опомниться она, но опомниться уже не успела, потому что из снежинки превратилась в Капельку Чистой Воды.

...Малыш в синем капюшоне поднял кверху темные глаза – и глаза его посветлели, потому что увидели много-много белых точек в небе.

– Сне-е-е-е-ег! – радостно закричал Малыш в синем капюшоне, и другие малыши в разных капюшонах подхватили его крик:

– Сне-е-е-е-ег!..

"Снег? – с недоумением подумала Капелька Чистой Воды. – А ведь и я была снегом! Из снега получаются замечательно высокие сугробы – и много малышей в разных капюшонах берут тогда свои санки и катаются с гор. Как, наверное, это все-таки прекрасно – быть снегом!

О, теперь это была уже не Смешная Снежинка – это была мудрая Капелька Чистой Воды, которая прожила почти целую жизнь. И улыбнувшись тому, как глупо и быстро прожила она эту жизнь, Капелька Чистой Воды тихонько скользнула в еще не успевшую замерзнуть землю – скользнула вместе со всеми своими хорошими мыслями, которые она все-таки успела додумать до конца.